

Люблинская унія и ея послѣдствія.

Уже съ конца XV-го столѣтія, когда великіе князья Московскіе явственно для всѣхъ поставили свою цѣлю соединеніе подъ своею державою *всѣхъ* русскихъ земель, западно-русскому образованному сословію, оказывавшему вліяніе на судьбы родной земли, представлялся тройкій выборъ. Приходилось или стараться о сближеніи Литвы съ Москвою и противодѣйствовать всѣми силами уніи съ Польшей, или же примириться съ замыслами послѣдней. Возможна была и еще одна попытка: отдѣлиться отъ Литвы и образовать отдѣльное западно-русское государство. Нѣкоторые изъ западно-русскихъ князей еще не теряли надежды отстоять самостоятельность *литовско-русскаго* государства, а другіе, какъ Глинскій, готовы были, повидимому, вѣрять въ возможность основанія особаго приднѣпровскаго княжества. Такимъ образомъ, уже въ то отдаленное время политическимъ симпатіямъ западно-руссовъ предстоялъ выборъ между тремя рѣшеніями вопроса, имѣвшаго огромную важность для всякаго патріота, мыслявшаго о судьбахъ отечества. Неудача Глинскаго показала, какъ тщетны были усилія образовать особое западно-русское государство, независимое отъ Польши и восточной Руси. Оставалось выбирать между тою и другою. Здоровое національное чувство не могло не склонять въ Москвѣ, но въ то время оно не восторжествовало въ западно-русской интеллигенціи.

При Сигизмундѣ-Августѣ католическій фанатизмъ уже не могъ

оказывать вліянія на литовцевъ, которые подпали въ значительной мѣрѣ вліянію реформаціонныхъ идей; но не имѣла прежней внутрѣнной силы и русская народность великаго княжества литовскаго, правильнѣе сказать—ея представители, или руководившіе классы. Двухвѣковая работа Польши и католичества убила въ нихъ живительныя начала политической самостоятельности, притупила сознание самобытности и живое чувство народности. Къ половинѣ XVI в. Польша приобрѣла нѣкоторыхъ сторонниковъ въ Литвѣ, а враги Польши, протестанты и православные, были разобщены. Русскіе люди, повидимому, держались своей національности ¹⁾ и не рѣшались еще на измѣну ей, которая стала нерѣдка послѣ уніи, но не обнаруживали энергій. Боялись утратить свою самобытность и литвины. По прежнему предъ королемъ было высказываемо желаніе, чтобы „панове Поляцы не имѣли тоѣ жадости, абы тоѣ панство ваше милости отчизное было унижено и привлацоно къ нимъ“. Литовскіе магнаты старались постоянно защитить отдѣльность великаго княжества литовскаго. Ясно, что Польшѣ оставалось сдѣлать рѣшительный натискъ, и она могла восторжествовать надъ этимъ нерасположеніемъ, въ особенности—при отсутствіи единодушія между литовцами и русскими и при готовности поляковъ дѣйствовать насиліемъ и неправдою. И дѣйствительно, Польша преодолѣла ненависть литовцевъ и русскихъ къ уніи, но—средствами далеко не безукоризненными.

Было нѣсколько обстоятельствъ, въ особенности благопріятствовавшихъ во 2-й половинѣ XVI в. осуществленію давней мечты поляковъ объ уніи съ Литвой или, лучше сказать, о присоединеніи литовско-русскихъ земель къ Польшѣ и о непосредственномъ подчиненіи лучшихъ изъ этихъ земель. Не все литовско-русское населеніе могло найдти опору въ Иванѣ Грозномъ и искренно примкнуть къ нему. Самъ Грозный видимо желалъ присоединить Литву къ своему царству и вошелъ въ переговоры съ плѣннымъ Виленскимъ воеводичемъ Глѣбовичемъ, который обязался возвести Московскаго князя на польское и литовское княженіе: Глѣбовичъ обѣщаль подговорить и убѣдить всѣхъ литовскихъ пановъ согласиться на признаніе государемъ сына Московскаго царя и на выдачу за него королевны, сестры Сигизмунда-Августа ²⁾. Но въ

¹⁾ См. ст. Кулиша „Взглядъ южнорусскаго челоуѣка XVI столѣтія на нѣмецко-польскую цивилизацію“. „Основа“ 1862, іюнь, 12—16.

²⁾ Дневн. Любл. сейма, 293, 296.

Литвѣ далеко не всѣмъ былъ понятенъ смыслъ дѣятельности Грознаго ¹⁾. Многіе литовскіе князья и магнаты должны были считать Грознаго тиранномъ ²⁾, а знать, какъ мы видѣли, достигла значительной силы въ Литвѣ. Болѣе сноснымъ могло казаться московское владычество землянамъ, но еще заманчивѣй было для нихъ соединеніе съ Польшею, со стороны шляхетства которой литовское боярство встрѣчало распростертыя объятія. Несмотря на всѣ свои старанія, поляки не успѣли до Люблинской уніи вполне водворить въ Литвѣ польскій строй, и шляхта не имѣла въ Литвѣ полнаго значенія ³⁾. На Люблинскомъ сеймѣ поляки неоднократно упоминали о „литовскоі неволѣ“. Литовскіе порядки казались имъ худшими, нежели польскіе, и должны были казаться таковыми и литовскимъ землянамъ и боярамъ ⁴⁾. Поляки и великій князь литовскій—онъ-же и король польскій—давно уже старались задобрить это низшее дворянство и приобрѣсти его сочувствіе, выставляя на видъ заботливость польской шляхты о благѣ литовско-русскаго дворянства. На Люблинскомъ сеймѣ также одинъ посоль свазалъ: „я не знаю бѣльшаго сокровища въ Литвѣ, какъ шляхетское сословіе, понапрасну

¹⁾ См. рѣчь К. Н. Бестужева-Рюмина „Нѣсколько словъ по поводу поэтическихъ воспроизведеній характера Іоанна Грознаго“, напечатанную въ журналѣ „Заря“ 1871, № 3. См. также характеристику Грознаго у Трачевскаго: Польское безкоролье по прекращеніи династіи Ягеллоновъ, М. 1869, стр. 248 и сл.

²⁾ Брацлавскій воевода говорилъ на Люблинскомъ сеймѣ, что Иванъ Грозный „довольно имѣетъ дѣла съ своими подданными, которые навѣрно умертвили бы его, еслибы онъ выѣхалъ въ поле, потому что онъ замучилъ ихъ“. Дневн., 501. Поляки думали о Грозномъ иначе (см. у Трачевскаго: Польское безкоролье по прекращеніи династіи Ягеллоновъ, стр. 188 и сл., въ особенности 193—194), но потомъ восторжествовало отвращеніе къ нему (тамъ-же, 262—265).

³⁾ Дорогичинскій хорунжій говорилъ на Люблинскомъ сеймѣ о Литвѣ: „Сеймики тамъ отбываются не тѣмъ способомъ, какъ здѣсь у васъ, потому что тамъ пріѣдетъ на сеймикъ панъ воевода, и староста, и хорунжій и напишутъ, что хотятъ, и поплютъ до землянина въ домъ, чтобы подписался на томъ. Если онъ не подпишется (не приложитъ печати), то его отдюютъ пальцами (*вар.*: погрозятъ пальцами)... Тамъ шляхта не участвуетъ ни въ какихъ совѣщаніяхъ; только паны, что хотятъ, то дѣлаютъ“. Дневн., 290 и 308.

⁴⁾ См. напр., Дневн., 305.

еще гибнущее у неблагодарной Литвы, которую я считаю хуже Турка...“¹⁾). Эта постоянная лезть не могла остаться безъ послѣдствій. Низшее литовско-русское дворянство поддавалось приманѣмъ и ради шляхетскихъ вольностей пожертвовало самостоятельностью родной земли. Высшіе представители литовско-русскаго народа, магнаты, попытавшіеся оказать вооруженное сопротивление польскому насилію и отстаивавшіе самостоятельность литовско-русскаго государства до послѣдняго момента, не встрѣтили поддержки въ мелкомъ дворянствѣ, а между тѣмъ оно составляло главную военную силу.

Благодаря преимущественно его измѣнѣ во второй половинѣ XVI в. почти вполнѣ осуществился, наконецъ, проектъ уніи, исполненія котораго поляки добивались такъ долго безъ успѣха²⁾, но осуществился посредствомъ насилія надъ совѣстью высшихъ руководителей литовско-русскаго государства, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе его судьбы: они почти два вѣка сопротивлялись уніи и ненавидѣли ее и по заключеніи ея.

Декларация объ инкорпорации Литвы была составлена уже на Варшавскомъ сеймѣ 1563—64 гг. и внесена въ рецессъ сейма, но не

¹⁾ Дневн., 134.

²⁾ Въ актахъ уніи отъ имени Сигизмунда-Августа неоднократно говорилось, что на сеймахъ и въ другихъ случаяхъ чины королевства часто уговаривали и усиленно упрашивали предковъ короля, его отца Сигизмунда и его самого, чтобы была осуществлена унія (Дневн. 68, 688; ср. 723). Сенаторы сознавались, что ихъ „предки не могли прійти къ уніи“, и „въ томъ повиненъ былъ не кто иной, какъ наши государи, потому что они считали великое княжество литовское своею отчиной“ (Дневн., 301). Король также призналъ, что его „предки сознавали за собой обязанность (привести въ исполненіе привиллегіи на унію), но не предпринимали такого (какъ Сигизмундъ-Августъ) труда для этого дѣла“ (Дневн. 432). Въ рѣчахъ на Люблинскомъ сеймѣ послы не скрывали, что „предки ихъ много времени дожидались уніи“ (Дн. 159, 268). „Мы и наши предки имѣли довольно этихъ кожъ (т. е. договоровъ на пергаментѣ) и печатей и одна-кожъ уніи не имѣли“ (Дневн., 455). Съ другой стороны въ этихъ рѣчахъ признавалось, что поляки полтора вѣка лѣтъ догадывались, а теперь узнали, что литовцы не хотятъ придерживаться уніи (Дневн., 173; ср. 461—462). Противоположное увѣреніе см. на стр. 652.

была утверждена Литовскою печатью. Виленскій воевода не согласился на декларацію, протестовалъ и уѣхалъ ¹⁾).

На сеймѣ, который собрался въ 1569 г. въ Люблинѣ по требованію поляковъ и короля, „чтобы на немъ окончательно выполнилось законное соединеніе, которое не только не могло бы быть разорвано и расторгнуто, но и доставило бы такіе плоды, которые могли бы принести польскому и литовскому народу презъ е всего миръ и лучшее и болѣе прочное охраненіе цѣлости, а затѣмъ большую славу и величіе“ ²⁾), продолжало держаться взаимное нерасположеніе народностей ³⁾).

Со стороны литовцевъ на сеймѣ явились „воеводы, кастеляны, епископы, князья и депутаты отъ рыцарства“ ⁴⁾). Поляки хотѣли составить одинъ народъ съ литовцами и одно государство подъ управленіемъ польскаго короля на основаніи привиллегіа Александра и Варшавской деклараціи. Свои права на Литву поляки возводили еще къ Ягайлу, который держалъ литовскую землю „полнымъ и непринужденнымъ правомъ“ и уступилъ Польшѣ „на вѣчныя времена права наслѣдства и самодержавія, какія только имѣлъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ“ ⁵⁾). Литовскіе сенаторы не желали уніи, которой добивались поляки на основаніи старыхъ привиллегій. Литовскіе сенаторы заявляли, что „старыя записи уничтожены ихъ предками“, что литовцы постоянно требовали смягченія этихъ записей, которыя и были исправляемы, какъ то доказываетъ привиллегій Александра ⁶⁾); даѣе, сенаторы указывали на то, что „Александровъ привиллегій умѣрилъ предшествовавшіе, а если умѣрилъ, то прежніе не должны быть воспоминаемы“ ⁷⁾). Литвины называли съ насмѣшкой старыя привиллегіи кудеями ⁸⁾). Вообще, по мнѣнію литовскихъ сенаторовъ, всѣ древніе

¹⁾ Дневн., 33.

²⁾ Тамъ-же, 702.

³⁾ Тамъ-же, 247.

⁴⁾ Дневн., 288.

⁵⁾ Дневн., 62.

⁶⁾ Дневн., 661.

⁷⁾ Дневн., 411.

⁸⁾ Дневн., 667.

привиллеги на унію, на которые ссылались поляки, а равно Варшавскій рецессъ не имѣли никакой силы, потому что литовцы не изъявляли согласія на эти договоры. „Унія Литвы съ Польшею, говорилъ жмудскій староста полякамъ въ отвѣтъ на ихъ требованія, была всегда заключаема не государями, но польскимъ и литовскимъ народомъ, что подтверждаетъ въ особенности Sator—та грамота ¹⁾. Подъ тѣмъ же числомъ польскіе паны получили привиллеги, противные чести и достоинству литовскаго народа, инкорпораціи, донаци и другіе неспосные пункты. Если государь могъ дать это въ силу неограниченной власти, то зачѣмъ было потомъ брать отъ Литвы другіе привиллеги, которые были выдаваемы добровольно, какъ отъ свободныхъ людей, и не заключали въ себѣ ничего бѣльшаго кромѣ личнаго союза? И такъ какъ инкорпорація, произведенная Ягайломъ, была гораздо нужнѣе королевству, то для чего при томъ же Ягайлѣ польскіе паны заключали союзъ съ литовскими сословіями ²⁾? Также было потомъ и при Казимирѣ: Литва свободно пользовалась своими правами и избраніемъ, и Казимира избрали государемъ, какъ люди свободные.... А какъ вѣрно онъ соблюдалъ присягу великому княжеству литовскому, выявилося, между прочимъ, изъ того, что въ его правленіе не состоялось никакихъ общихъ договоровъ ко вреду и ущербу великаго княжества литовскаго. Въ 1448 г. здѣсь въ Люблинѣ Литва, наши предки, занявшись, между прочимъ, уніей, прежде всего домогалась исключенія изъ привиллегиевъ incorporatio и annexatio, и изъ этого видно, что привиллеги на инкорпорацію не былъ такъ со-

¹⁾ Разумѣется договоръ между поляками и литовцами, начинающійся словомъ Sator и заключенный 2 октября 1413 г.

²⁾ Ср. объясненіе г. Кояловича, заключающее указаніе на противорѣчіе между договоромъ 2 октября 1413 г. и актомъ 2 декабря 1413 г. того же года: „Представители Литовскаго княжества, бывшіе на Люблинскомъ сеймѣ, справедливо обратили вниманіе на противорѣчіе между этими актами. Объясняя это противорѣчіе тѣмъ, что Поляки получили послѣднюю грамоту отъ самого Ягайла, помимо воли Литовцевъ того времени, представители Литвы, бывшіе на Люблинскомъ сеймѣ, бросаютъ этимъ объясненіемъ новый свѣтъ на соединеніе Литвы съ Польшей, совершавшееся на Городельскомъ сеймѣ“. Дневн., 679.

ставленъ, чтобы его могли одобрить всѣ чины рѣчи-посполитой, и, избравъ ескорѣ послѣ Ягайла отдѣльнаго государя, они говорили о томъ и не поддавались. Въ 1451 г., при королѣ Казимирѣ, на сеймѣ въ Парчевѣ литовскіе послы домогались, чтобы были уничтожены вредные литовскому княжеству привилегіи, которымъ никогда не подчинялись, потому что литовское княжество приступало къ товариществу и примиренію, не отдаваясь въ какое-либо подданство. Тоже было и въ Сѣрадзѣ на сеймѣ 1452 г. Тоже произошло въ Парчевѣ въ 1473 г. Тоже было въ 1464 г. на сеймѣ Парчевскомъ, когда Литва была въ Ломожахъ. Затѣмъ по смерти Казимира Александръ былъ избранъ на великое княженіе литовское, а Альбрехтъ на королевство. При этихъ двухъ государяхъ всѣ прежнія записи, которыя были вредны и противны Рѣчи Посполитой великаго княжества литовскаго, съ общаго согласія обоихъ государствъ были отложены въ сторону и уничтожены. Вслѣдствіе того всѣ привилегіи *de incorporatione, subjectione, devolutione ad regem et regnum*, какъ и прежде не имѣли силы, перестали въ то время существовать "... Затѣмъ жмудскій староста указалъ на неосновательность употребленія въ привилегіи, выданномъ Александромъ послѣ избранія его въ польскіе короли, выраженія о Польшѣ и Литвѣ какъ объ *unum corpus*: литовскіе послы не имѣли полномочія согласиться на то; далѣе, привилегіей Александра обѣщаль смягченіе прежней уніи и, наконецъ, выраженію *unum corpus* противорѣчитъ выраженіе *utriusque dominii, et utramque rempublicam*. „Мало того, что эта справа при Александрѣ *non satis faciebat* литовскому народу, этотъ настойчивый государь вынудилъ у пословъ то, что въ этотъ привилегіей было вмѣщено и обязательство отъ этихъ нѣсколькихъ лицъ съ государевымъ подтвержденіемъ, что это одобрятъ потомъ и утверждаютъ присягой всѣ чины. Въ теченіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ при Александрѣ было довольно времени, чтобы наши предки утвердили то своими печатями и привилегіями; если же они не переставали указывать на противность поведенія пословъ полномочію послѣднихъ и рѣчи посполитой ¹⁾, то для чего мы теперь будемъ подчиняться тому, на что не присягали наши предки?... Вы, господа, вспоминаете еще о Вар-

¹⁾ Что дѣйствительно, привилегіей Александра не былъ приведенъ въ исполненіе, говорилось и въ грамотѣ Сигизмунда-Августа. Дневн., 693.

павскомъ сеймѣ и деклараціи... такъ какъ мы еще не подлежимъ вашимъ сеймамъ, то и декларація за вашею коронною печатью не можетъ ничего отнять у насъ.... Подобно тому какъ наши предки не хотѣли присягать на такую унию, наши послы не утвердили разговора съ вами ни какими-либо грамотами, ни печатями и отъѣхали *infectis rebus*. Тамъ-же на томъ сеймѣ вы вписали въ свой рецессъ декларацію и какое-то неизвѣстное нашимъ посламъ соглашеніе, предосудительное для нашей рѣчи-посполитой, славы и чести и всего добраго народа литовскаго. Итакъ, смотря на дѣла нашихъ предковъ, на то, какъ они ерѣпко отказывались отъ тѣхъ привиллегій, на то, что они не хотѣли подчиняться привиллегіямъ и не подчинялись, также и мы, ихъ потомки, должны стоять на томъ же¹⁾.

Съ нѣкоторыми изъ этихъ историческихъ доводовъ были согласны сами поляки. Они сознавались про себя, что уния существовала до 1539 г. только на пергаментѣ, но не на дѣлѣ²⁾. Знали они также, что и Сигизмундъ-Августъ занялъ литовскій престолъ безъ вѣдома Польши³⁾. „Отецъ его величества надѣлилъ литовцевъ правами, позволилъ имъ возвысить себя на княженіе и предоставилъ имъ свободу избранія“ (государей)⁴⁾. Предъ литовскими сенаторами поляки также не отрицали того, что уния не была приведена въ исполненіе⁵⁾ и что Сигизмундъ-Августъ былъ возведенъ на великое княженіе литовское вопреки униі безъ вѣдома польскихъ радъ⁶⁾.

Литовцы видѣли для себя униженіе въ желаніи поляковъ уничтожить особность чиновъ великаго княжества литовскаго, а равно въ проектѣ поляковъ о томъ, чтобы почести и должности великаго княжества литовскаго были безразлично отдаваемы полякамъ и литовцамъ. „Если бы мы уступили вамъ въ томъ, говорили литовцы полякамъ,

¹⁾ Дневн. 79—81.

²⁾ Дневн. 32.

³⁾ Дневн. 117.

⁴⁾ Дневн., 124.

⁵⁾ Дневн. 64.

⁶⁾ Дневн., 65.—Прелаты и паны рады великаго княж. литовскаго объяснили чрезъ своихъ пословъ, отправленныхъ на Петровскій сеймъ въ 1506 г., что „для граничныхъ валежъ и внутреннихъ земскихъ Его Милости поднесеніе отдалено быти не могло.“ Сборн. кн. Обол., № 1, книга польская вел. княж. лит. 1506 г., стр. 6.

то вскорѣ литовскій народъ былъ бы затертъ множествомъ мудрыхъ и достойныхъ людей народа королевства. Между тѣмъ мы хорошо знаемъ, что, умирая за свободу нашей отчизны, мы служили грудью и кровью нашимъ государямъ въ нашемъ государствѣ и защищали и уберсгли его до этого времени отъ столь сильныхъ и разнородныхъ враговъ, сколько ихъ ни находилось; за таковыя службы наши и нашихъ предковъ мы, уроженцы и дѣйствительно исконные обыватели этого государства—великаго княжества литовскаго, желаемъ сами пользоваться отъ нашихъ государей выгодами этой уніи¹⁾.

Литовцы желали заключить унію не на основаніи старыхъ привилегій, но въ силу „сердечной братской любви“²⁾, были согласны только на „союзъ братскаго единенія и любви“³⁾ и хотѣли сохранить отдѣльность Литвы во внутреннемъ управленіи. Поляки не соглашались на то, и въ ночь на 1-е марта „Литва убѣжала“.

Видя такое уиорство литовцевъ, поляки обратились къ содѣйствию короля и оперлись на его власть, которая была, по словамъ поляковъ, безусловна. Они рѣшили призвать короля къ исполненію его обязанности, потребовать, чтобы онъ соизволилъ быть защитникомъ польскихъ правъ, привилегій и Варшавскаго рецесса⁴⁾ и употребилъ свою власть надъ литовцами⁵⁾. „Къ этой уніи мы не видимъ никакого другаго пути кромѣ верховной власти вашего королевскаго величества, нашего милостиваго государя“, говорили польскіе послы королю⁶⁾.

Сигизмундъ-Августъ признавалъ унію „дѣломъ весьма нужнымъ и полезнымъ Рѣчи-Посполитой“, считалъ своимъ „долгомъ призвести въ исполненіе всѣ привилегіи“, думалъ, что Богъ возложилъ на него обязанность заботиться о единеніи, что это дѣло не было противно ничьей совѣсти, потому что имѣлась въ виду взаимная любовь и вѣчное братство, „а гдѣ любовь, тамъ пребываетъ Богъ, и нѣтъ Его тамъ, гдѣ нѣтъ любви“. „Такъ какъ я вижу, говорилъ король литовскимъ сенаторамъ, что это устроится по совѣсти съ моей стороны и вашей, а также съ разумнымъ пониманіемъ пользы обоихъ государствъ,

¹⁾ Дневн., 77.

²⁾ Дневн., 21.

³⁾ Дневн., 703.

⁴⁾ Дневн., 89.

⁵⁾ Дневн., 104—105.

⁶⁾ Дневн., 109; ср. 113, 115.

т. е. единой уже рѣчи-посполитой, то пусть никто не думаетъ, что я хотѣлъ васъ уговаривать поступить противъ совѣсти, или вести противъ нея... Я увѣренъ, что Богъ далъ мнѣ такое разумѣніе, что я исполняю все, что повиненъ. Если же Богъ то далъ мнѣ, то я склоняю васъ къ тому, что было Ему угодно... На то была воля Божья, и онъ самъ то устроилъ и устанавливалъ и теперь устрояетъ... Онъ совершаетъ дивныя дѣла свои¹⁾. Сигизмундъ-Августъ рѣшилъ „ничего не щадить и ни въ чемъ не дѣлать послабленія“²⁾ и сталъ всецѣло на сторону Польши³⁾. Въ виду прекращенія рода Ягайла онъ желалъ довершить дѣло предковъ⁴⁾ и „оставить послѣ себя память о томъ, что болѣе всего желалъ добра рѣчи-посполитой“ и посламъ⁵⁾. Король хотѣлъ упрочить благодарную память о своемъ дѣлѣ и надѣялся приобрѣсти вѣчную славу: польскіе послы обѣщали ему благодарность потомковъ, славу вѣчную, „которая дороже всего“, „прочнѣе всего другаго“, обѣщали память до отдаленныхъ временъ⁶⁾. Лелѣя эту мечту, Сигизмундъ-Августъ, по его собственному сознанію, „всецѣло отдался полякамъ и по истинѣ былъ связанъ ими“⁷⁾. Исходя изъ признанія за собою наслѣдственныхъ правъ на Литву, а за Польшей правъ въ силу записей объ уніи⁸⁾, Сигизмундъ-Августъ усвоилъ взглядъ поляковъ и подарилъ Польшѣ свое литовское наслѣдіе несмотря на то, что литовцы совершенно справедливо отрицали наслѣдственность велико-княжеской власти въ Литвѣ⁹⁾. Литовцы отвергали наслѣдственность права Сигиз-

1) Дневн., 478—479.

2) Дневн., 129.

3) Дневн., 142.

4) Выслушавъ согласіе литовскихъ сенаторовъ на унію, король сказалъ имъ: „не могло быть для меня ничего утѣшительнѣе и не было ничего утѣшительнѣе этого дѣла, когда я вижу, что въ мое правленіе оканчивается дѣло, котораго не могли привести къ концу мои предки.“ Дневн., 484.

5) Дневн., 433.

6) Дневн., 201, 399, 409, 413, 504, 535, 545, 631, 653.

7) Дневн., 564.

8) Дневн., 668.

9) Дневн., 82. Литовцы были правы. Они ссылались на избраніе Сигизмунда I и самого Сигизмунда-Августа (стр. 469). Между прочимъ, они представили документальное доказательство изъ привиллегія 1529 г., дан-

мунда-Августа на Литву и въ отдачѣ этого права Польшѣ видѣли для себя униженіе ¹⁾. Сигизмундъ-Августъ сдѣлалъ то, „чего не сдѣлалъ ни одинъ его предокъ и чему, наоборотъ, его предки противились“, то, „чего до того времени предки (польскихъ пословъ) усиленно домогались у своихъ государей, но не могли выпросить“ ²⁾: по ходатайству польскаго сейма, онъ объявилъ присоединенными къ Польшѣ Подлѣсье, Волынь, а потомъ и Кіевъ, котораго потребовали поляки, разлакомленные удачею, хотя не имѣли на него права ³⁾. Сигизмундъ-Августъ не останавливался предъ безправіемъ этого поступка. Онъ сознавалъ, что отнятіемъ южной Руси „литовцамъ были оборваны крылья,“ но, тѣмъ не менѣе, обнадеживалъ поляковъ, говоря: „а вы, господа, добивайтесь своего“ ⁴⁾.

наго Сигизмундомъ I: тамъ говорилось объ *избраніи* на литовскій престолъ Сигизмунда-Августа (стр. 24). Далѣе, литовцы указывали на то, что „наслѣдственный государь не подтверждаетъ правъ присягою, онъ даетъ только привиллегіи“; всѣ же литовскіе государи по тѣмъ день подтверждали обыкновенно, при возведеніи ихъ на престолъ, литовскія права присягою литовцамъ, какъ свободнымъ людямъ, и великому княжеству литовскому (стр. 82). Встрѣчаются, впрочемъ, документы, въ которыхъ литовскіе паны называли свое княжество отчиною Ягеллоновъ.

¹⁾ Дневн., 469.

²⁾ Дневн., 237, 236.

³⁾ Сами польскіе послы, требовавшіе присоединенія Кіева къ Польшѣ, говорили, что первоначально они не имѣли достаточныхъ доказательствъ принадлежности Кіева къ Польшѣ и сомнѣвались (Дневн., 393). Каковы были права Польши на Кіевъ, видно изъ ходатайства пословъ о присоединеніи Кіева съ округомъ, какъ области, „*qua antiquitus regno tributaria fuerat ac ex qua duces illi hommagiam praestare erant soliti, quod ex privilegiis coram maicestate regia productis facile apparet, tum ex antiquissimis annalibus illam urbem a regibus Poloniae ter captam et directam fuisse constat.*“ Дневн., 401. Подъ привиллегіями, здѣсь упомянутыми, надо разумѣть, вѣроятно, тѣ, выписку о которыхъ мы сообщили выше, говоря о завоеваніи Кіева Литвою (стр. 62). Въ Дрезденскомъ спискѣ инвентаря дата этихъ документовъ выставлена неправильно что видно изъ болѣе раннихъ списковъ. См. *Inventarium omnium et singulorum privilegiorum, litterarum, diplomatum, quaecunque in archivis regni in arce Cracoviensi continentur etc., Lutetiae Parisiorum, MDCCCLXII, p. 275, 271.*

⁴⁾ Дневн., 409.

Польскіе сенаторы порѣшили привлечь на свою сторону татаръ ¹⁾, а земскіе послы также требовали вооруженнаго вторженія въ Литву ²⁾ и предложили королю и сенаторамъ привести унію въ исполненіе какъ путемъ права, такъ равно и мечемъ ³⁾. Король полагалъ, что ему прежде войны надо было явиться въ Литву съ такою обстановкою, чтобы король могъ сдѣлать по пословицѣ: не желаешь, такъ долженъ ⁴⁾. Католическіе епископы и сенаторы также внушали дѣйствовать принужденіемъ ⁵⁾. Рѣшено было двинуться на Литву посполитымъ ружьемъ ⁶⁾, а литовскіе сенаторы также разослали грамоты на Волынь и Подлѣсье съ приказаніемъ собираться на войну ⁷⁾. Король утвердилъ собственною властью прежніе привилегіи на унію, а равно унію, постановленную поляками на Люблинскомъ сеймѣ, и велѣлъ слѣдовать этой уніи ⁸⁾. Поляки попросили затѣмъ короля, чтобы онъ *принималъ* къ присягѣ Подлѣсянъ и Волянцевъ ⁹⁾. Чинамъ присоединенныхъ къ Польшѣ провинцій было велѣно присягнуть Польшѣ подъ опасеніемъ лишенія должностей и имѣній за ослушанія. Нѣкоторые не соблюли стойкости и поддались. Такъ, Матишку погрозили отнятіемъ староства Мѣльницакаго, и онъ „послѣ того желалъ присягнуть, лишь бы остаться при староствѣ“ ¹⁰⁾. Депутаты ополяченной Подлѣсской шляхты „добровольно присоединились ради польскихъ вольностей“. Подлѣсяне надѣялись, что съ нихъ снимутъ „литовскую неволю“ и отмѣнятъ „тягости жидовскія“ ¹¹⁾. Подлѣсскіе города Брянскъ и Бѣльскъ просили утвержденія ихъ привилегіевъ и присоединенія къ королевству ¹²⁾. Волынь и Подлѣсье не поднимались про-

¹⁾ Дневн., 128. Литовцы хотѣли было также поѣхать къ татарамъ, но ихъ отклонила отъ того шляхта римской вѣры.

²⁾ Дневн., 135, 144—145.

³⁾ Дневн., 138.

⁴⁾ Дневн., 153.

⁵⁾ Дневн., 238.

⁶⁾ Дневн., 193.

⁷⁾ Дневн., 187.

⁸⁾ Дневн., 192.

⁹⁾ Ib., 314.

¹⁰⁾ Ib., 171.

¹¹⁾ Ib., 290.

¹²⁾ Ib., 225.

тивъ поляковъ, да и литовцы привыкли повиноваться королю не такъ, какъ поляки, о чемъ было упомянуто и на Люблинскомъ сеймѣ.

Все это преодолѣло двухвѣковое сопротивление представителей литовско-русскаго государства и ненависть ихъ къ уніи, не прекращавшуюся до конца. Но литовскіе сенаторы и вѣкторые Подлѣсяне и Волынды чувствовали укоры совѣсти и боялись поступить противъ нея, присягая Польшѣ: они думали, что эта послѣдняя присяга противорѣчила прежней, принесенной на вѣрность *литовскому* князеству и великому князю *литовскому*. Король взялъ тогда прежнюю присягу литовцевъ на свою совѣсть и на совѣсть польскихъ сенаторовъ ¹⁾. И послѣ того не всѣ успокоивались и освобождались отъ укоровъ совѣсти. Князь Романъ Сангушко, воевода Брацлавскій и Винницкій, сказалъ предъ присягою: „если такова воля и приказаніе вашего величества, нашего литовскаго государя, повиноваться которому Богъ повелѣлъ, какъ моей верховной власти, я готовъ все то исполнить“ и, „по прочтеніи присяги, когда подносили ему золотой крестъ Гнѣзненскаго архіепископа, ставъ на колѣни, просилъ короля, чтобы онъ, какъ помазанникъ Божій, положилъ на него руку и такимъ образомъ снялъ съ него первую клятву, которую Романъ принесъ ему, какъ литовскому князю. Король, согласно его желанію, положилъ на него руку“ ²⁾. „Намъ придется уступить и мы уступаемъ благоизволенію вашего величества, какъ исполнителю законовъ и общему государю, а не какому-либо декрету“, говорилъ староста жмудскій, павшій на колѣни предъ королемъ вмѣстѣ съ другими литовскими сенаторами ³⁾. Изъ этого видно, что литовскихъ вельможъ повергалъ въ бездѣйствіе и заставлялъ бездѣйствовать, между прочимъ, и авторитетъ государя и долгъ повиновенія ему: не будь въ моментъ провозглашенія уніи общаго государя у Литвы и Польши, дѣйствовавшаго всецѣло въ интересахъ послѣдней, уніа не состоялась бы.

Литовскіе сенаторы поддались, выговоривъ лишь, какъ условіе уніи, сохраненіе титула, всѣхъ почетныхъ и служебныхъ должностей великаго княжества литовскаго и сословныхъ почестей, русскаго языка

¹⁾ Дневн., 380—381.

²⁾ Ib., 398—400.

³⁾ Ib., 468.

въ дѣлопроизводствѣ и вообще подтвержденіе прежнихъ правъ и привилегіевъ, въ томъ числѣ подтвержденіе и для русскаго народа. Литовскіе сенаторы какъ бы сознавали опасность, которой подвергали свой народъ. „Больно было бы намъ или нашимъ внукамъ, говорили они, еслибы пришлось смотрѣть на эти нынѣшнія дѣла не съ любовью, а съ жалостью, или еслибы пришлось обвинять насъ въ томъ, что мы не понимали таковаго нашего порабощенія“ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, они не оказали должнаго сопротивленія. Ошибка представителей литовско-русскаго государства состояла въ томъ, что они не сумѣли опереться на массу русскаго населенія, поднять ее до пониманія общенародныхъ интересовъ и руководить ею; народъ же еще не сознавалъ, къ чему могла привести унія съ Польшей. Любопытно, что на Люблинскомъ сеймѣ выступали въ защиту особы вликаго княжества литовскаго преимущественно литовскіе сенаторы; представители русскихъ земель, напримѣръ князь Острожскій, не оказывали таковаго дѣятельнаго сопротивленія. Это, можно думать, объясняется разобщеніемъ и тѣмъ, что сенаторамъ литовскихъ областей принадлежало постоянно завѣдываніе главными дѣлами ²⁾.

Поучительный дневникъ Люблинскаго сейма характеризуетъ какъ нельзя лучше недобросовѣстность дѣйствій польскаго сената и земскихъ пословъ въ отношеніи къ литовцамъ, насильственность мѣръ, которыми была проведена унія, отсутствіе искренняго соглашенія между представителями обѣихъ народностей и, наконецъ, внутреннюю слабость Литвы вслѣдствіе разобщенія ея населенія и отсутствіе крѣпкой связи, которая могла бы сообщить единеніе и силу въ борьбѣ съ притязаніями Польши. Въ моментъ провозглашенія государственной унії литовско-русскихъ земель съ Польшею въ Литвѣ не оказалось того общенароднаго единенія, которое спасло Московскую Русь въ смутное время и которое проявилось и въ южной Руси нѣсколько позднѣе, въ XVII в.

¹⁾ Дневн., 471.

²⁾ Какъ въ 1569 г. присоединенныя къ Польшѣ русскія провинціи не оказали дѣятельнаго сопротивленія, такъ и потомъ, въ годы междуцарствія, сеймики русскихъ провинцій не обнаружили сочувствія къ Литвѣ и желанія отпасть отъ единенія съ Польшею. Трачевскій, 161—167.

Посягательство на самостоятельность литовско-русского государства было нарушением политической свободы литовско-русского народа и стѣсненіемъ совѣсти верховныхъ его представителей. Вообще исторія попытокъ возстановленія уніи послѣ Витовта свидѣтельствуешь о постоянномъ нерасположеніи литовско-русского государства къ уніи съ Польшей, и если пламенные желанія польскаго шляхетства осуществились, то лишь благодаря измѣнѣ русскаго боярства народному дѣлу и себялюбивой и самолюбивой политикѣ нѣкоторыхъ Ягеллоновъ, въ особенности послѣдняго изъ нихъ. На „хитрости“ поляковъ и „баламутни“ измѣнниковъ русской народности указывалъ Смоленскій кастелянъ Иванъ Мелешко въ рѣчи на сеймѣ 1589 г.

Польскіе историки и ихъ послѣдователи въ настоящемъ вопросѣ понимаютъ иначе успѣхъ Польши.

Г. Первольфъ, хотя и не полякъ, готовъ объяснять торжество Польши въ югозападной Руси перевѣсомъ польской цивилизаціи надъ русскою въ южной Руси ¹⁾. Преобладаніе цивилизованнаго народа надъ нецивилизованнымъ—обычное явленіе въ исторіи, но это объясненіе непримѣнимо ко взаимнымъ отношеніямъ Польши, западной Руси и Литвы въ періодъ попытокъ осуществленія уніи этихъ земель. Нѣтъ основаній принимать *значительное* превосходство польской образованности надъ западно-русскою до послѣдней четверти XV в. Со времени процвѣтанія Краковской академіи и распространенія гуманизма въ Польшѣ послѣдняя, дѣйствительно, быстро начала усвоить западную образованность, но несправедливо чрезмѣрно унижать по сравненію съ польскою образованностью второй половины XV в. и первой XVI в. образованность западно-русскую. Не должно забывать, что польская литература того времени все еще не была народною литературою, а русская письменность была доступнѣе массамъ и не уступала польской въ воздѣйствіи на народный характеръ и жизнь. До половины XVI в. русская образованность сохраняла свое значеніе въ Литвѣ, и даже литвины католики продолжали употреблять русскій языкъ ²⁾. Этотъ языкъ слышался въ Краковѣ при дворѣ Ягайла и Казимира, и грамоты,

¹⁾ Osvěta 1881, № 1, 31.

²⁾ Osvěta, № 4, стр. 313—314.—Луцкій епископъ прислалъ къ королю на Люблинскій сеймъ 1569 г. письмо, писанное по русски, и польскіе послы

изготавливавшіяся въ Краковской канцеляріи для Руси Червонной и литовской, писались по-русски. Западно-русская и литовская знать первой половины XVI в. была, по своему образованію, не ниже польской: достаточно назвать Глипскаго. Знать западно-русская училась не только въ Краковѣ. Въ уставахъ земли кіевской XVI в. дворянству дозволялось ѣздить за границу, какъ скоро его не обязывала оставаться на мѣстѣ земская служба.—Что до вліянія польщины на укрененіе симпатій къ Польшѣ, то оно начало замѣтно обнаруживаться въ Литвѣ при Сигизмундѣ-Августѣ, котораго въ Литвѣ называли ляхомъ. Тѣмъ не менѣе почти до конца литовско-русскаго государства полякъ считался въ немъ чужеземцемъ. Подлѣсская шляхта, ополячившаяся уже въ литовское время, составляла исключеніе. При подъемѣ національнаго духа и развитіи самосознанія, при горячей любви интеллигенціи къ своей народности, было бы невозможно желаніе уніи съ Польшею и пожертвованіе національною самобытностью, какъ бы обольстительны ни были приманки польской цивилизаціи; явилось бы стремленіе къ поднятію своей національной образованности, какъ то и случилось въ концѣ XVI в. и въ XVII столѣтіи въ Кіевѣ. Ясно отсюда, что не блага и преимущества польской образованности въ широкомъ смыслѣ слова толкали мелкое литовско-русское дворянство въ объятія польской шляхты, а лишь нѣкоторыя особенности польскаго строя, казавшіяся столь заманчивыми...

Взглянемъ теперь на послѣдствія Люблинской уніи.

Она не только положила конецъ литовско-русскому государству, но и повела къ стѣсненію самостоятельнаго народнаго развитія обѣихъ главныхъ народностей его. Совершилось то, чего такъ опасались литовско-русскіе сенаторы, заявлявшіе, что, съ присоединеніемъ великаго княжества литовскаго къ польскому королевству, уже не было бы взаимной народной любви, „потому что княжество должно было бы уничтожиться, а народъ этотъ также долженъ былъ бы обратиться въ иной народъ,

видѣли въ томъ, что письмо писано „не полатынѣ и не по польски“, доказательство того, что этотъ епископъ—русскій. Дневн., 257.

такъ что не могло бы быть братства¹⁾). Литовскіе сенаторы желали бы, чтобы „старые договоры не уничтожали литовскаго народа въ этомъ природномъ ихъ государствѣ“²⁾, и не даромъ видѣли въ уніи гибель и погребеніе отчизны.

Правда, еще оставалась тѣнь самостоятельности, и Литва утратила не сразу сознаніе своей политической особыности. Въ Радзивиллахъ, Ходкевичахъ и др. долго не умирали старый литовскій патриотизмъ³⁾. По смерти Сигизмунда-Августа литовскіе патриоты готовы были посадить на литовскій престолъ отдѣльнаго государя. Въ годы междуцарствія въ Литвѣ постоянно вѣпляла кандидатура московскаго царя на литовскій престолъ. При переговорахъ съ поляками объ избраніи новаго короля послѣ Сигизмунда-Августа еще велась рѣчь со стороны литовскаго сената о возвращеніи Литвѣ Волыни, Кіева, Подлѣся и о томъ, чтобы Литва не писалась частью Польскаго королевства. По смерти Баторія нѣкоторые сановники литовскихъ земель опять готовы были избрать на польскій престолъ московскаго царя⁴⁾. Русскій языкъ въ судопроизводствѣ былъ отмѣненъ только въ 1697 г., хотя началъ выходить изъ употребленія рѣдче, а Литовскій Статутъ сохранялъ свою силу и потомъ. -- Тѣмъ не менѣе мѣсто литовско-русскаго государства заняло польско-русское или, правильнѣе, польское. Лучшія области прежняго литовско-русскаго государства были присоединены непосредственно къ Польшѣ и наполнились польскою шляхтой. Русское народное начало не имѣло въ новомъ госу-

1) Дневн., 75.

2) Дневн., 265.

3) Трачевскій, 93, 110—113.

4) См. ст. Малиновскаго „Историческія доказательства о давнемъ желаніи польскаго народа присоединиться къ Россіи“ въ VI-й ч. „Трудовъ и лѣтописей Общества исторіи и древностей Россійскихъ“ (М. 1833) и „Дипломатическое приложеніе“ тамъ-же. На избирательномъ сеймѣ 1587 г. литовская шляхта подала голосъ за избраніе московскаго царя: „намѣреніемъ нашимъ было выбрать государемъ Москвитина; мы не отступимъ отъ московскаго, домой уйдемъ, а останемся при тѣхъ же мысляхъ“. Описаніе рукописи, содержащей извѣстіе объ этомъ и принадлежащей библіотекѣ и архиву князей Чарторыйскихъ, см. въ отчетѣ г. Первольфа о научныхъ занятіяхъ его за границею, Варш. 1883. Сигизмундъ III въ числѣ условій, предложенныхъ Лжедмитрію въ 1605 г., поставилъ, чтобы тотъ „*unię wieczną Panstw uczinił*“. Бодянский, О поискахъ, стр. 35.

дарствѣ того значенія, какое принадлежало ему въ великомъ княжествѣ литовскомъ, а литовскій элементъ также былъ значительно обезличенъ въ массахъ; знать же литовская ополячивалась еще быстрѣе русской, хотя не было полной симпатіи между поляками и литовцами ¹⁾. — Спрашивается, что же приобрѣла литовская и русская народность отъ этой уніи съ Польшей? были ли онѣ вознаграждены чѣмъ-либо за отгѣсненіе съ историческаго поприща, бывшее неизбѣжнымъ послѣдствіемъ присоединенія литовско-русскихъ земель къ Польшѣ? была ли осуществлена цѣль уніи, и достигли ли литовцы и русскіе тѣхъ благъ, какія были обѣщаны имъ поляками, какъ послѣдствіе уніи? На эти вопросы возможно дать лишь отрицательный отвѣтъ.

При заключеніи уніи, поляки обѣщали дѣлиться съ присоединенными къ нимъ народностями и радостью, и горемъ. Русской народности однако пришлось испытывать не радости, а лишь бѣды, да и измѣнившіе своей народности магнаты, въ особенности въ южно-русскихъ областяхъ, должны были нерѣдко горько расплачиваться за тѣ блага, которыми наслаждались въ ущербъ остальному населенію.

Во время переговоровъ объ уніи въ 1569 г. поборники ея постоянно указывали на тѣ политическія выгоды, которыя могло принести соединеніе обоихъ государствъ. Они выдвигали на видъ двоякую цѣль уніи: „Люди заключаютъ унію для двухъ вещей, говорилъ епископъ Куявскій: чтобы быть тѣмъ сильнѣе и чтобы вмѣстѣ пользоваться свободой“ ²⁾. Въ началѣ династической уніи также указывалась та и другая цѣль — успѣшная борьба съ общимъ внѣшнимъ врагомъ на Западѣ ³⁾ и братство литовскаго боярства съ польскою шляхтою ⁴⁾. Потомъ, съ усиленіемъ могущества турокъ, задачу уніи стали понимать шире. Посольство Яна Альбрехта къ в. кн. Александру указывало цѣль уніи въ оборонѣ противъ враговъ общими совѣтами и взаимною помощію, чтобы оба государства „всимъ непріателемъ своимъ грозны

¹⁾ Поляки подсмѣивались надъ литовцами. Въ одной рукописи начала XVIII в. сохранился составленный въ насмѣшку списокъ литовскихъ фамилій, собравшихся разсуждать о курьезахъ литовской кухни. Przegł. I, 114—115.

²⁾ Дневн., 495.

³⁾ Что такъ была первоначально объясняема уніа, видно изъ акта 1401 г.

⁴⁾ См. напр., во 2-й лит.-р. лѣт. о принятіи литовскою шляхтою польскихъ гербовъ: Narbutt, Pomn., 43—44. О возвращеніи гербовъ *ibid.*, 58.

были“. По избраніи на литовскій престолъ Сигизмунда I, послы отъ прелатовъ и пановъ радъ великаго княжества литовскаго, отправленные на Петровскій сеймъ для присутствованія при избраніи польскаго короля, должны были заявить отъ имени литовскихъ пановъ, что послѣдніе „присяги... памятають и хъцуть ихъ пелнити, будучы тое падеи, ижъ *злученъе* тыхъ панствъ *заховається* съ обу сторонъ въ ласкавомъ а *въ ровномъ братствѣ ку розмноженъю славы щасливаю панованя и посполитаго добраю обоюо Панства..*“ ¹⁾. Михалонъ Литвинъ видѣлъ цѣль уніи въ томъ, „чтобы совокупная доблестъ двухъ сосѣднихъ племенъ имѣла болѣе силы для побѣды надъ общимъ врагомъ христіанскаго имени“. На Люблинскомъ сеймѣ поляки также указывали на то, что, благодаря уніи, Польша и Литва были страшны всѣмъ непріятелямъ ²⁾. „Совѣщаясь съобща, говорилъ Краковскій епископъ литовскимъ сенаторамъ, и защищаясь вмѣстѣ, мы можемъ быть болѣе могущественными и грозными всякому непріятелю, на что и теперъ уже обращаютъ вниманіе многіе народы христіанскіе и поганскіе“ ³⁾. Въ проектѣ уніи отъ имени короля говорилось, что „соединеніе приносило великую славу и пользу обоимъ народамъ“ ⁴⁾. Самъ король указывалъ литовскимъ сенаторамъ на ту преимущественную выгоду уніи, что она должна была предупреждать опасности, которыя были и всегда будутъ ⁵⁾. Въ привилегіи на унію говорится что она заключена „для болѣе крѣпкаго сплоченія обоюдной и взаимной братской любви, для взаимнаго, чуждаго сомнѣнія, братскаго довѣрія въ вѣчной оборонѣ обоихъ государствъ, для славы Божіей и для славы его величества съ вѣчною благодарностью ему, для славы обоихъ знаменитыхъ народовъ, польскаго и литовскаго, и также для безграничнаго расширенія вѣчной чести, величія, украшенія, укрѣпленія,—для вѣчнаго расширенія чести, славы и общаго величія“ ⁶⁾.

Въ моментъ провозглашенія Люблинской уніи первоначальная

¹⁾ Сборн. кн. Обол., № 1.

²⁾ Дневн., 11.

³⁾ Дневн., 57.

⁴⁾ Дневн., 69.

⁵⁾ Дневн., 480. Ср. въ грамотѣ Сигизмунда-Августа, Дневн., 690 и 702.

⁶⁾ Дневн., 724.

цѣль ея была уже позади, была достигнута — разумѣемъ пораженіе и подавленіе жесточайшаго врага Литвы и прибалтійскаго славянства, нѣмецкаго ордена. Грюнвальдская битва и затѣмъ присоединеніе къ Польшѣ Поморья 14 года спустя были главными благодѣтельными послѣдствіями униі. Прибавимъ еще усовершенствованіе военнаго искусства въ Литвѣ¹⁾. Этимъ исчерпывались благотворные результаты униі. Съ паденіемъ нѣмецкаго ордена осуществилась первоначальная, главная для Литвы цѣль униі: Литва не пуждалась болѣе въ союзѣ съ Польшою для охраненія своей самостоятельности съ Запада. Она испытывала теперь напоръ преимущественно съ востока, но Московскій царь былъ врагъ иного рода: онъ добивался не порабощенія національностей литовско-русскаго государства, а присоединенія ихъ къ своему, также русскому, государству. Походъ къ притязаніямъ восточной Руси былъ поданъ стѣсненіемъ правъ русской народности въ Литвѣ, и литовско-русское государство не столь бы могло опасаться Москвы, если-бы въ немъ не была подавляема и угнетаема русская народность. Преимущество высшей гражданственности сдѣлало бы тогда Литву опасной соперницей Москвы. Съ польско-католической точки зрѣнія на Люблинскомъ сеймѣ можно было говорить о выгодѣ, какую могло извлечь литовско-русское государство изъ униі съ Польшою для самозащиты въ борьбѣ съ Москвою, но интересы русской народности въ Литвѣ могли склонять ее скорѣе на сторону Москвы, чѣмъ Польши. Притомъ сочувствіе землянъ и вообще литовской шляхты Польшѣ не устранило сочувствія народныхъ массъ къ Москвѣ²⁾. Недаромъ Іоаннъ IV затѣвалъ сношенія съ литовскими сенаторами чрезъ виленьскаго воеводича Глѣбовича и припуждалъ къ присягѣ цѣлпныхъ литвиновъ. Что у московскаго царя были сторонники въ Литвѣ, видно и изъ послѣдующей исторіи. Что до призванія Польши въ восточномъ вопросѣ, которое ей навязывало царство, до

¹⁾ Тевтонскій орденъ писалъ объ Ягайлѣ: „dominus rex a tempore sue promocionis quia maleus sacre nalicie ordinis fuerit, armis, armigeris, instrumentis variis bellicis, studiosis artibus, artificibus, thoracibus, cassidibus, loricis, pixidibus, bombardis, equis, gladiis, bombardarum pulveribus, balistis, machinis, immo quolibet genere armorum et modorum, que *per antea in illis partibus fuerunt incisa*, consiliis quoque et auxiliis atrocibus, Litwanos, Seismaticos et hereticos forcibus muniendo confortavit ex regno Polonie“. Cod. ep. Vit., App. № VI, p. 1028.

²⁾ Трачевскій, 191.

борьбы съ Турками, то Польша не могла и послѣ уніи организовать, какъ слѣдуетъ, военныя силы для этой борьбы и не сумѣла стать во главѣ національной славянской политики. Это водительство уже въ XVI в. приняла на себя Москва, царя которой султанъ называлъ гордымъ и въ землю котораго собирался послать войско ¹⁾). Наконецъ, успѣшная защита противъ внѣшнихъ враговъ была возможна для Литвы и безъ уніи, при постоянномъ только союзѣ съ Польшей въ родѣ того, какой существовалъ при Ягайлѣ и Витовтѣ. Поступленіе литовскихъ земель подѣ власть Польши не всегда могло сулить имъ защиту. Вѣдь говорилъ же Куявскій епископъ на Люблинскомъ сеймѣ: „Какъ бы васъ не считали всѣ народы самыми негодными людьми. Мы никогда никого не спасали, не пользуемся доброю славою..“ „На сеймы не станемъ указывать, потому что что ни сеймъ, то хуже,— кончается потерей и всеобщимъ посмѣніемъ“ ²⁾). Епископъ Плочкій сказалъ: „у чужеземцевъ обратилось въ *vulgare proverbium*, что *Poloni comitiales morbo laborant*“, а воевода Сандомирскій замѣтилъ: „не знаю, какое сословіе мы считаемъ хорошимъ“ ³⁾

Итакъ полная унія съ Польшей не была нужна литовско-русскому государству для внѣшней защиты, да и не принесла охраны: татарскія и турецкія нападеныя продолжались, а равно и Москва, оправившись отъ смутнаго времени, вновь предъявила старыя притязанія.

Остается разсмотрѣть, не принесла ли унія какихъ-либо внутреннихъ благъ польской и литовской народности.

Историки, становящіеся на защиту уніи, обыкновенно указываютъ на такія блага и слѣдуютъ въ этомъ случаѣ за современниками Люблинской уніи. Поляки старались уже со времени Витовта ослѣпить литовцевъ обѣщаніями такихъ благъ. Польскіе сенаторы говорили литовцамъ на Люблинскомъ сеймѣ: „мы пріобщаемъ васъ ко всему, что имѣемъ наилучшаго.“ „Мы считаемъ васъ своею благородною братіей, во всемъ намъ равной“ ⁴⁾). „Просимъ, говорилъ Краковскій епископъ ли-

¹⁾ Новые матеріалы для исторіи восточнаго вопроса въ XVI в. см. въ VIII-мъ т. „Р. историч. библ.“, Спб. 1884.

²⁾ Дневн., 237—238; ср. рѣчь Орѣховскаго на стр. 286.

³⁾ Ib., 238—239.

⁴⁾ Дневн., 380—382.

товскимъ сенаторамъ отъ лица польскихъ сенаторовъ, чтобы вы думали о насъ только какъ о благожелательныхъ братьяхъ, которые, желая всѣмъ всего добраго, призываютъ васъ и ведутъ къ своимъ вольностямъ, къ своимъ правамъ, къ своей любви, оберегая при томъ ваши почести“¹⁾. Польскіе земскіе послы говорили королю о волинцахъ: „мы сами, по милости Божіей, не чувствуемъ надъ собой никакого принужденія, знаемъ только вольности и свободу, къ которой ихъ принимаемъ и желаемъ дѣлиться съ ними всѣмъ хорошимъ, а равно вмѣстѣ переживать и неприятели“²⁾. На сеймѣ указывалось на то, что Волинцы и Подлѣсяне присоединились къ Польшѣ ради освобожденія отъ неволи, „чтобы пребывать въ свободѣ“³⁾. Въ чемъ должна была состоять эта свобода, видно отчасти изъ дневника сейма. Предполагалось снять различныя тягости, какъ, напр., „победы“⁴⁾. Далѣе, должны были лишиться правъ, которыми пользовались въ великомъ княжествѣ литовскомъ, евреи⁵⁾. Волинцы „привыкли всегда подниматься при каждой надобности, хотя бы не было посполитаго рушенія“. Теперь они освобождались отъ соблюденія этого обычая. Отъ лица волинцевъ князь Константинъ Вишневецкій сказалъ королю: „мы присоединяемся какъ люди вольные, свободные“⁶⁾. Отъ имени короля также говорилось, что въ уни присоединился „вольный народъ къ вольному и равный къ равному“⁷⁾.

Въ настоящее время историки и публицисты, защищающіе унию, стараются поддержать иллюзію XVI в., представляютъ по прежнему Люблинскую унию великимъ актомъ распространенія шляхетскихъ вольностей и утверждаютъ, что литовцы и русскіе соединились съ поляками „jako równi z równymi i wolny z wolnymi“⁸⁾. Другіе историки,

1) Дневн., 472.

2) Ib., 384.

3) Ib., 451—452.

4) Ib., 585.

5) „Изъ воеводства великаго княжества литовскаго говорятъ намъ, что тамъ у нихъ великая неволя отъ жидовъ, потому что тамъ они собираютъ вездѣ какъ мыта, такъ и иные доходы“. Дневн., 569; ср. 585.

6) Дневн., 381.

7) Ibid., 476.

8) Львовскій проф. Татоміръ говоритъ, напр., слѣдующее: „Zasługa Polski że umiała godnie odpowiedzieć swojemu przeznaczeniu, przygarniąc ludy ku sobie wolnością i równością“. Unia Litwy z Polską, Lwów 1869.

смотрящіе на унію не столь узко и возвышающіеся надъ шляхетскими предразсудками, все-таки не перестаютъ повторять, что унія съ Польшею была и необходима, и благодѣтельна для Литвы. Это утверждаетъ, напр., новѣйшій польскій историкъ, Краковскій проф. Бобжинскій, хотя общій взглядъ его на польскую исторію, вызвавшій въ свое время полемику, свидѣтельствуетъ объ успѣхахъ здраваго и трезваго самосознанія въ средѣ передовой польской интеллигенціи и объ отрѣшеніи ея отъ нѣкоторыхъ предразсудковъ касательно прошлаго¹⁾.

¹⁾ Приведемъ взглядъ проф. Бобжинскаго на Люблинскую унію: „Zbliżał ziemie litewskie i ruskie do Polski najpierw interes ich ekonomiczny, tylko bowiem z pomocą Polski mogły odzyskać podstawy swojego materialnego rozwoju: na północy ujścia Niemna i Dźwiny w Inflantach i Prusiech, na południu ujścia Dniepru i Dniestru. Zbliżał je do Polski interes cywilizacyjny, bo tylko tą drogą mogły korzystać i przyswajać sobie dobrodziejstwa cywilizacji zachodu. Zbliżał je nareszcie do Polski interes wolności, bo tylko przez ściślejszą unię z Polską i przyjęcie urzędzeń polskich mogło się społeczeństwo litewskie i ruskie wydobyć z pod gniotących je dotychczas ciężarów i zdobyć sobie w pełni prawa polityczne i wolność obywatelską. Pod wpływem więcej niż stuletniego działania tych trzech silnych czynników dokonała się na Litwie i Rusi powolna i bezwiedna assymilacja wyższych warstw społecznych z żywiołem polskim. Nie mógł się żywić panujący na Litwie w wyższych swych warstwach oprzeć działaniu humanizmu a następnie też reformacji, która nietylko szlachcie litewskiej wspólnie ze szlachtą polską otworzyła religijne dążenie, ale stworzywszy język polski piśmienny, pchnęła go na wschód razem z „nowinkami“ religijnymi. Już się polski książki drukowały na Litwie. Silniejszymi jeszcze węzłami łączyły się z Polską południowe t. j. małopolskie prowincje litewskiego państwa, w skutek odwiecznej a spotęgowanej teraz za Zygmunatów polskiej kolonizacji. Nowe krajny wyrastały z ziemi pod jej zawiennym wpływem“ i t. d. Dzieje Polski w zarysie przez Michała Bobrzyńskiego, Dr. wyd., t. II, Warsz. 1881, 91—92. Во всемъ этомъ разсужденіи немало неточностей. Въ моментъ Люблинскоу уніи устья Днѣпра не принадлежали Польщѣ. Западная цивилизація могла быть усвояема и помимо Польши, непосредственно изъ ея центровъ. Что до шляхетскихъ вольностей, то въ Литвѣ съ начала царствованія Сигизмунда I собирались сеймы, въ которыхъ участвовали „земяне и вся посполите шляхта“. См. ст. М. Ф. Владимірскаго-Буданова о книгѣ г. Бершадскаго, Ж. М. Н. Пр. 1885, № 1, стр. 198—199. Польская колонизація южнорусскихъ земель, которую такъ превознесъ г.

Предшествующее изложение литовско-русской истории съ 1387 г. достаточно, думаемъ, показало, какъ неаввѣстна была унія литовской знати и насколько была противна существеннымъ интересамъ литовской и русской народностей. Она была проведена только посредствомъ ломки литовско-русскаго строя и привлеченія шляхты. Поляки постоянно старались склонить на свою сторону шляхту, надѣляя первоначально шляхетскими привилегіями бояръ—католиковъ, а потомъ распространявъ эти привилегіи на все боярство. Польское шляхетство надѣялось усилить себя привлеченіемъ въ свой кругъ литовско-русскаго дворянства ¹⁾, порѣшило уравнивать его права съ собственными и затѣмъ подѣлять власть на всемъ пространствѣ литовско-русскихъ земель. Эти послѣднія, въ особенности Волинь, Подолье и Кіевщина, представлялись польскимъ панамъ обѣтованною землею, въ которую имъ страстно хотѣлось проникнуть ²⁾ и въ которую они, дѣйствительно, ринулись потомъ. Можно думать, что поляки, ведя переговоры объ уніи, имѣли въ виду преимущественно эти земли. По временамъ на Люблинскомъ сеймѣ прорывалось признаніе въ такихъ затасанныхъ помыслахъ. Такъ однажды нѣкоторые изъ польскихъ пановъ подали слѣдующее мнѣніе на сеймѣ: „о Волини пока не вспоминать, чтобы Литва не знала, что мы нисколько не хлопочемъ о нихъ, а только о Волини“ ³⁾. Въ другой разъ проскользнуло сознаніе, что поляки всегда добивались Волини и Подлѣсья ⁴⁾.

Такимъ образомъ, общія Литвѣ расширеніе свободы, поляки

Кулишъ, до 1569 г. ограничивалась Подольемъ и Подлѣсьемъ; въ предѣлахъ Кіевщины и Волини она началась послѣ 1569 г. Въ моментъ Люблинской уніи „Волинская земля была населена только народомъ литовскимъ и русскимъ и князьями родовъ Олелька, Ольгерда, Наримунта, и Корибута“ (Дневн., 264). О характерѣ письма въ Кіевскомъ и Волинскомъ воеводствахъ до XVII в., подтверждающемъ предположеніе объ отсутствіи тамъ значительнаго западнаго вліянія, см. замѣчаніе г. Каманина въ „Кіевск. Стар.“ 1885, № 2, стр. 359.

¹⁾ Szajnoch, Jadw. i Jag., IV, гл. „Horodło“.

²⁾ Дневн., V.

³⁾ Дневн., 117.

⁴⁾ Ibid., 126.—Краковскій воевода сказалъ: „Еслибы мы позволили имъ имѣть (особую) рѣчь посполитую, то мы отказались бы отъ того нашего, что zakryłoscie pod nimi“ (Дневн., 665).

имѣли въ виду исключительно собственные интересы, съ которыми соединили узкіе сословные интересы литовско-русской шляхты, и самое это расширеніе свободы было въ сущности водвореніемъ эгоистическаго произвола шляхты. Унія Литвы и Польши была уніею знати и шляхетства обѣихъ странъ. На нее не дали согласія ни руководители литовскаго и русскаго народа, ни самъ народъ, на который не обратили вниманія. Послѣдующая исторія показала, какъ хотѣла польская шляхта облагодѣтельствовать русскій народъ. Ей казалось, что нечего справляться съ желаніями послѣдняго и что съ водвореніемъ польскаго строя на всемъ пространствѣ литовско-русскихъ земель присоединеніе ихъ къ Польшѣ было упрочено.

Представители польской націи думали, что легко можно будетъ достигнуть полнаго сліянія народностей, и какъ бы слѣдовали извѣстному принципу: *une foi, une loi, un roi*. Въ прощальной рѣчи къ земскимъ посламъ, произнесенной при заключеніи Люблинскаго сейма, Сигизмундъ-Августъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее. „Немало меня огорчаетъ, что въ мое правленіе возникла разность вѣръ и различное пониманіе свѣтлой христіанской вѣры, потому что я сознаю, что на мнѣ лежитъ обязанность заботиться какъ о томъ, чтобы въ Рѣчи посполитой былъ порядокъ въ остальномъ, такъ и тѣмъ болѣе о томъ, чтобы святая вѣра христіанская была у всѣхъ единымъ христіанскимъ исповѣданіемъ. И такъ какъ то моя обязанность, о которой мнѣ часто напоминали рады духовные и вы, рыцарство, то я объявляю вамъ, чтобы вы знали о томъ и донесли своимъ братьямъ, что я, ей-ей, хочу стараться о томъ съ помощью всемогущаго Бога. Пусть, впрочемъ, никто не понимаетъ моихъ словъ такъ, будто я хочу приводить кого-либо къ вѣрѣ жестокостью или какою-либо строгостью, или отягощать чью-либо совѣсть“ ¹⁾. Эти слова заключали программу, которую вскорѣ начали осуществлять. Исполненіе же ея выдвинуло трудность, о которой сначала не думали. Извѣстный польскій историкъ Шайноха такъ опредѣляетъ эту трудность: „какимъ образомъ польская свобода меньшинства пановъ и шляхты, пріобрѣтавшаго съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе отваги, какимъ образомъ эта свобода могла удержаться при огромномъ большинствѣ все болѣе и болѣе подпадавшаго неволь ли-

¹⁾ Дневн., 634.

товскаго люда, и какъ при недостаточномъ осуществленіи религіознаго единенія могло удержаться западное исповѣданіе пановъ наряду съ восточною вѣрою подданныхъ? Черезъ самое сердце владѣній Ягеллоновъ проходила нѣкогда граница востока и запада; ихъ монархія взялась быть посредницей между этими противоположными краями; но не должно ли было залиться кровью отъ этой великой, но опасной пробы сердце самого государства“ ¹⁾?

Подавленіе русскаго начала въ литовско-русскомъ государствѣ лишило силы великое княжество литовское и привело его къ потерѣ самостоятельности. Рѣчь посполитая, образовавшаяся изъ соединенія польскихъ земель съ западно-русскими и литовскими, пала отъ того-же. На Люблинскомъ сеймѣ было провозглашено равенство, общая свобода, но при этомъ польская нація не отказалась отъ преобладанія, усилилась превозмочь остальные народности и заставила русскіе и литовскіе интеллигентные классы дѣйствовать въ интересахъ польскаго шляхетства и сливаться съ нимъ. Со времени уніи литовское народное начало не обнаруживало самостоятельности. Не такъ отнесся къ угнетенію русскій народъ. Онъ подвигался не тотчасъ-же, но тогда, когда выявились всѣ послѣдствія уніи и когда началось осуществленіе второй половины программы, введеніе религіозной уніи, о необходимости которой говорилъ Сигизмундъ-Августъ на Люблинскомъ сеймѣ. Тогда только народная масса вполнѣ ощутила весь смыслъ уніи и ея цѣль и поняла предательство русскихъ пановъ и шляхты ²⁾. Народъ под-

¹⁾ Jadwiga i Jagiełło IV, 337.

²⁾ Отношеніе народа къ такому повороту литовско-русской исторіи характеризуютъ слѣдующія слова пѣсни, относящейся, быть можетъ, ко времени этого поворота, если только эта пѣсня подлинно народна:

Ой Ляхы бѣ не прышлы,
Щобъ паны ихъ не сведы,
Ой паны щобы пропалы,
Що Ляхамъ насъ запродады;
Ой, паны, щобъ вы сгинулы,
Що вы вѣру покинули.

Сборн. нам. нар. творч. въ сѣв.-западномъ краѣ, вып. I, Вильна, 1866, стр. 117.

нялся на защиту своихъ правъ на существованіе, поправныхъ согласіемъ дворянства на унію. Доведенный до крайности, народъ могъ только цѣною вѣковыхъ кровавыхъ усилій стряхнуть инонародное и иновѣрное иго. Случилось противоположное тому, чего ожидалъ отъ соединенія Литвы и Польши Сигизмундъ-Августъ, и совершилось вслѣдствіе того, противъ чего онъ предостерегалъ. „Я вовсе не увлекался бы этою обширностью государствъ, сказалъ онъ въ заключительной рѣчи на Люблинскомъ сеймѣ, если-бы въ нихъ не было справедливости, а остался бы тотъ же стонъ и плачь, что издавна, потому что государство не могло бы долго держаться, и Богъ не сталъ бы его увеличивать, если-бы въ немъ не было справедливости“¹⁾. Справедливость исчезла, и въ результатѣ политической уніи и насильственныхъ попытокъ провести религіозную явились кровавыя сѣчи, послѣ одной изъ которыхъ польскій гетманъ Конецпольскій воскликнулъ сквозь слезы: „Отожь унія, лежить Русь съ поляками“.

Поздно усмотрѣли поляки необходимость склонить на свою сторону западно-русскій народъ и тѣмъ поддержать свою справу въ борьбѣ съ сѣверною и восточною Русью, отстаивавшею общіе интересы всего русскаго народа. Въ разгаръ борьбы съ русскими войсками, 7 мая 1794 г., Костюшко писалъ въ Холмскому уніатскому епископу Порфирію Важиньскому, ревностному польскому патриоту и начальнику организованной для поддержанія возстанія „Порядковой комисіи земли Холмской“: „...наша цѣль—всеобщее счастье, вольность и свобода каждаго сословія, справедливость для всѣхъ людей и самое полное уравненіе правъ и преимуществъ каждаго обряда“. Костюшко призывалъ епископа во имя Божіе, во имя народа и отчизны разъяснить эту цѣль возстанія простому народу, указывать на то, что война начата ради блага, интереса и счастья каждаго, ради освобожденія отчизны и упроченія народнаго счастья: „развѣ вы не знаете, каково Московское господство и ярмо“? Костюшко увѣщевалъ говорить въ народному сердцу, приучать его любить отчизну, ненавидѣть тиранновъ и склонять въ соединенію съ польскимъ войскомъ и къ помощи Польшѣ. „Ваша участь, капланы зреческаго обряда, слишкомъ удручена несправедливостью.... Поляки, вольные поляки, свободные, исправятъ эту

¹⁾ Дневн., 634.

участь и тѣхъ, кто выкажетъ къ нимъ участіе, оставятъ въ состояніи счастливымъ и достойномъ вашего расположенія. Я ручаюсь въ томъ именемъ народа“. Въ отвѣтномъ письмѣ къ Костюшку Важинскій выражалъ увѣренность, что при той свободѣ, какая провозглашена, въ „простачкахъ“ его паствы оживетъ охота умножать польское войско, и они пойдутъ охотно на защиту отчизны, которая вызываетъ на благодарность, оказывая столько благодѣяній. Онъ высказывалъ, далѣе, надежду, что ручательство Костюшки касательно слишкомъ униженнаго нашего обряда (*zbut upodlonego obrzqdku naszego*) пробудитъ въ униатскомъ духовенствѣ готовность возсылать самыя горячія молитвы къ Богу, чтобы онъ не переставалъ благословлять воздвигнутаго для отстаиванія независимости свободнаго народа“¹⁾. Итакъ только въ концѣ вѣка просвѣщенія, въ моментъ гибели отечества лучшіе польскіе патриоты рѣшились признать права угнетеннаго русскаго народа. При этомъ Костюшко ручался именемъ польскаго народа за соблюденіе этихъ правъ. Послѣдующая исторія показала, можно ли было надѣяться на отрезвленіе польскаго панства.

Этому панству оказалась не по силамъ та задача, которую оно поставило себѣ впервые въ XIV в. и затѣмъ пыталось осуществить посредствомъ уніи съ Литвою. „Образованіе свободной Рѣчи-Посполитой, сважемъ словами Н. И. Костомарова,—союза самобытныхъ вольныхъ съ вольными, равныхъ съ равными двухъ народовъ,—русскаго и польскаго, казалось было первымъ шагомъ къ тому, чтобъ начать новую судьбу всего славянскаго міра, чтобы вмѣсто двухъ народовъ явилось три, четыре въ единомъ союзѣ и такъ далѣе, и обстоятельства вели къ этому могучую Рѣчь-Посполитую, устроенную посредствомъ литовскаго вмѣшательства въ жизнь славянъ. Но ожиданіе не сбылось... Польша, деморализованная іезуитами внутри, должна была сойти съ своей исторической дороги“²⁾.

¹⁾ Przegład archeologiczny, zesz. I, Lwów 1882, 40—42. Во время возстанія 1830 г. польскіе патриоты точно также попытались обратиться къ содѣйствию греко-униатскаго духовенства и распространяли по всей Литвѣ „довольно толстую книгу въ защиту римской церкви противъ православной: книгу эту раздавали бесплатно греко-униатскимъ священникамъ въ намѣреніи притянуть ихъ къ польскому дѣлу“. Въ Украинѣ Падурра задумалъ пробудить козацкій патриотизмъ и вдохнуть „ ducha narodowości do wspólnej wprawy z Polską“. *Pyśma Tymka Padurrgy, Lwiv 1874, XXVI.*

²⁾ Русское Слово 1860, № 5, стр. 7—8.